

- Эти серебряные браслеты - символ нашей любви с Пинпин.

Голос Вэй Сюня слегка дрожал, когда он достал два браслета, с тоской глядя на них.

- Она вернула их мне, но я знаю - она сделала это не по своей воле. В её сердце есть место только для меня.

«Не по своей воле?»

Мяо Фанфэй едва заметно изменилась в лице, но внешне сохранила спокойствие. Она сочувственно взглянула на А-Чэна и вздохнула:

- Ну что ж... В конце концов, Пинпин скоро выходит замуж...

- Разве это можно назвать замужеством?!

Голос А-Чэна внезапно сорвался, но он тут же замолчал, на его лице мелькнуло нерешительное, почти испуганное выражение, словно он чего-то боялся. В конце концов, он не стал продолжать. Лишь с грустью и надеждой протянул один из браслетов Мяо Фанфэй.

- Тётя Мяо, спасибо вам. Если получится... Спрячьте этот браслет в свиной печени. Пинпин поймёт мои чувства, когда увидит его.

Мяо Фанфэй взяла браслет. А-Чэн печально улыбнулся и ушёл. Она же, делая вид, что ничего не произошло, вернулась к приготовлению печени, а затем, когда появилась возможность, передала полученную информацию Ши Тао и Сюй Чэню.

- Пинпин выходит замуж не по своей воле... «Разве это можно назвать замужеством»...

Сюй Чэнь задумчиво повторил эти фразы, лицо его стало суровым:

- Действительно, мы до сих пор не знаем, за кого она должна выйти замуж.

- А-Сан и А-Вэнь избегают этой темы, - кивнула Мяо Фанфэй.

Вчера, когда она пыталась выведать у них информацию, те охотно болтали о мелких деревенских делах, но как только разговор заходил о свадьбе Пинпин, сразу начинали уклоняться, твердя, что это важное событие для всей деревни, которое нужно тщательно подготовить. Если Мяо Фанфэй слишком нажимала, они начинали смотреть на неё с подозрением.

- Вероятно, её жених - нечто ужасное, - сказал Ши Тао, кивнув в сторону печени. - Передадим браслет Пинпин?

Если следовать просьбе А-Чэна, им нужно было действовать сейчас, пока у них есть доступ к свиной печени.

- У А-Чэна явно больше информации, и в этом квесте тоже есть выбор, - спокойно заметил Сюй Чэнь. - Нужно передать это остальным, чтобы Чжао Хунту и другие были начеку.

Их разговор был прерывистым - стоило А-Сан или А-Вэнь приблизиться, как они тут же возвращались к готовке.

Тем временем Вэй Сюнь собирался уже уходить из дома старосты, как вдруг его позвали

внутри. За бамбуковой занавеской виднелись лишь очертания постели, староста непрерывно кашлял – он был так болен, что не мог встать. Но даже его слабый, хриплый голос звучал тревожно и угрожающе.

- А-Чэн, ты опять виделся с Пинпин?

- Да, – ответил Вэй Сюнь без колебаний.

Он уже прошёл этот путь, перечитал дневники Пинпин и теперь строил новые догадки. Его ответ прозвучал вызывающе, но, как он и предполагал, староста не разозлился.

- Я знаю, ты любишь её, – голос старосты стал почти отеческим, хотя кашель не прекращался.
- Ты родился в один день с А-Луном. В моих глазах ты словно мой собственный сын.

- Пинпин... Пинпин тоже любит тебя. Ты единственный, за кого она хочет выйти замуж. Но из-за... эх... у неё просто нет выбора.

Староста замолчал, словно ожидая, что А-Чэн сам догадается. Но Вэй Сюнь уже получил нужную ему информацию и не поддался на провокацию.

- Счастье нужно завоевать, – твёрдо заявил он. – Если Пинпин будет счастлива, то и я счастлив. Дядя староста, не уговаривайте меня больше.

С этими словами он развернулся и ушёл. За его спиной кашель старосты усилился, но никто не попытался его остановить. Вэй Сюнь улыбнулся про себя.

Направившись обратно в дом А-Чэна, он мысленно соединил все детали: дневники Пинпин, Короля Оживших Летучих Лисиц и его собственное положение.

Фантом Короля говорил, что Пинпин сбежала с А-Чэном. Возможно, это была правда.

Но сбежала она, скорее всего, не с настоящим А-Чэном.

Дом А-Чэна стоял на окраине деревни. По местным традициям, мужчина считался взрослым, только когда покидал родительский дом и строил собственную хижину. А-Чэн, мечтавший жениться на Пинпин, построил свой дом сразу после совершеннолетия – неподалёку от пещеры, где она рожала.

- Пи-пи-пи! Пи-пи!

Только войдя внутрь, Вэй Сюнь услышал тоненький писк цыплят. А-Чэн держал двух клетки с птенцами – пушистыми, жёлтыми и умильными. Вэй Сюнь чуть ли не услышал, как в его голове раздаётся звук слюноотделения.

Маленькие цыплята явно пришлись по вкусу лисёнку, но, вероятно, обидевшись на прежние неверные выводы о своих предпочтениях, тот на этот раз удержался от жалобного: «Хозяин, хочу есть!»

Вэй Сюнь же поставил клетки на стол и начал дразнить птенцов травинкой, заставляя их пищать ещё громче.

«Какой же он противный!»

- Я всё думал, почему я стал А-Чэном?

Опершись на стол, Вэй Сюнь постукивал пальцем в такт своему сердцебиению. Но если бы кто-то с острым слухом прислушался, то удивился бы – внутри него явственно слышались два разных ритма.

[До вылупления: 15:25:13]

- У Мяо Фанфэй и других квест напрямую связан с Плачем Невесты, а у меня – нет.

Говоря это, он приложил два пальца к шее, ощущая пульс. Если бы он хотел, то мог бы полностью избежать участия в ритуале – сославшись на то, что А-Чэн слишком убит горем. Более того, Мяо Фанфэй и другие, кажется, до сих пор считают его местным, а Ван Пэнпай даже не попытался его найти.

То есть Ван Пэнпай не ожидал, что Вэй Сюнь займёт место А-Чэна.

Но всему есть причина. Вэй Сюнь не был настолько тщеславен, чтобы думать, будто Пинпин влюбилась в него с первого взгляда. Значит, его связь с А-Чэном была не случайной.

Разговор со старостой помог сложить последний пазл.

- Это ты?

Пальцы Вэй Сюня сильнее прижали артерию. Долгое давление вызывало головокружение. Сердцебиение участилось, в груди возникло тяжёлое чувство, словно предупреждение об опасности. Он поддался этому ощущению, убрав руку, и ждал, пока тревога не утихнет. Уголки его губ дрогнули.

- Нашёл тебя.

После убийства Короля Оживших Летучих Лисиц использование сферы опыта тура вызвало неожиданный эффект. В его характеристиках появилась новая строка: [Значение вылупления].

Если он предотвратит вылупление, убьёт или победит «это», то получит награду за завершение тура. Но что это за «оно», где оно находится – «Турагентство» никак не поясняло.

Теперь же Вэй Сюнь был уверен: «оно» находится внутри него. До вылупления оставалось пятнадцать часов. Сейчас было 4:30 утра.

Значит, что-то вылупится около восьми вечера.

- В Короле была душа А-Луна.

- Староста хотел женить Пинпин на А-Луне в загробном мире.

- Пинпин сбежала с А-Чэном.

- Пинпин была одержима Ян, и в первую брачную ночь её изнасиловали мужчины деревни.

Эти четыре факта могли быть верны одновременно.

Заняв место А-Чэна, Вэй Сюнь понял: хоть тот и был нерешительным, но у него не было злых намерений, а к Пинпин он испытывал искренние чувства. Если бы он действительно сбежал с ней, то не бросил бы её и не позволил бы деревенским надругаться над ней.

Если только что-то не удержало его.

Или не взяло под контроль.

Предполагалось, что Вэй Сюнь найдёт больше улик, прежде чем прийти к выводу. Но, заменив А-Чэна, он заметил сходство между ними, что и помогло определить цель.

Яйцо или детёныш Короля Оживших Летучих Лисиц.

Оно было внутри Вэй Сюня. И, вероятно, когда-то – внутри А-Чэна. Именно это сходство и сделало его А-Чэном.

- Староста всё ещё хочет воскресить своего сына, – тихо произнёс Вэй Сюнь.

Поэтому он выбрал А-Чэна – родившегося в один день с А-Луном и, возможно, обладавшего особой судьбой.

С того момента, как Вэй Сюнь заподозрил, что в нём что-то есть, он задавался вопросом: как это попало внутрь?

Всё сводилось к тому, что он лишь столкнулся с Королём Оживших Летучих Лисиц, соприкоснулся с ним и выпил его очищенную кровь. Возможно, именно через прикосновение происходит заражение. А А-Чэн и Пинпин выросли вместе, и наверняка А-Чэн тоже контактировал с её Королём Оживших Летучих Лисиц. Поэтому внутри А-Чэна скрываются яйца или нечто, что несёт в себе сознание А-Луна.

Старейшина прекрасно знал, что А-Чэн и Пинпин тайно встречались перед свадьбой, но не останавливал их. Если тот диалог прежде был обращён к А-Чэну, который искренне заботился о Пинпин, то, скорее всего, после этих слов А-Чэн ещё больше утвердился в решении сбежать с ней.

Яйца вылупятся сегодня в восемь вечера. Возможно, побег Пинпин и А-Чэна был запланирован как раз на это время. Но, придя на место встречи, дрожащая от волнения Пинпин, ждавшая своего возлюбленного, увидит уже «контролируемого» А-Чэна.

Вэй Сюнь всё продумал, оставалось лишь наблюдать за развитием событий. В руках он вертел кинжал – Закалённый в Ненависти Кинжал Пинпин, способный убить того, кого она ненавидит больше всего.

Но кого именно ненавидела Пинпин? Бывшего старейшину? Её брата А-Луна? А-Чэна? Или же всех жителей деревни Разрезанных Скал?

- Будем ждать новостей от Мяо Фанфэй.

Мяо Фанфэй

Мяо Фанфэй была вся в поту, её лицо побелело. Она пропиталась запахом печёнки, который стоял на кухне после долгой готовки. Ши Тао выглядел ненамного лучше.

- Быстрее, надо успеть!

Она то и дело поглядывала на дверь, напряжённая и встревоженная. Приготовление печёнки закончилось раньше, чем они ожидали. Пока Мяо Фанфэй отдыхала, она выпытала у А-Сан и А-Вэнь новости: оказывается, состояние старейшины ухудшилось, и Пинпин, желая позаботиться

об отце, решила ускорить свадьбу, чтобы осчастливить его. Всё могло произойти раньше – и от этого нервы у них окончательно сдали.

Трое путешественников поочерёдно отвлекали А-Сан и А-Вэнь, а остальные в это время засовывали серебряный браслет внутрь печёнки. Целая печень была большой, разрезанная на четыре части – каждая размером с ладонь Ши Тао. После варки она стала мягкой, и, казалось бы, браслет должен был легко поместиться. Но на практике всё оказалось иначе.

Серебро почернело при соприкосновении с печёнкой!

Печёнка была отравлена!

Это открытие потрясло её. Мяо Фанфэй проверила ещё несколько раз – и оказалось, что вся печёнка, и варёная, и сырая, вызвала почернение серебра. Самое странное: даже свежесваренная печёнка, только что вынутая из кипятка, тоже была ядовита.

Но ведь её должны были есть Пинпин и вся деревня Разрезанных Скал! Как так?

Титул «Начинающей Гу-Колдуньи» пригодился как никогда. Мяо Фанфэй скормила кусочек печёнки своему питомцу-насекомому и выяснила, что яд не смертельный, доза небольшая – он лишь вызывал слабость.

Почему?

- Возможно, в самой свадьбе кроется опасность, о которой мы не знаем.

Услышав это, Сюй Чэнь высказал свою догадку:

- Они хотят накормить Пинпин отравленной печёнкой, чтобы обездвижить её и не дать сопротивляться.

- Но если печёнка отравлена, её будут есть и жители деревни! – не понял Ши Тао.

Мяо Фанфэй догадалась первой. Она побледнела и тихо произнесла:

- В этой сцене Пинпин – злобный дух.

- Мяо права. Давайте быстрее поищем, – сказал Сюй Чэнь, – среди всей печёнки должен быть один безопасный кусок.

Пинпин мстит. Она хочет, чтобы деревенские пережили то, что пережила она. Если в тот день её печёнка была отравлена, а у них чистая, то сейчас должно быть наоборот.

То есть среди всей печёнки только один кусок не отравлен. Его и надо подать Пинпин во время первого плача невесты.

- Сегодня в полдень будет Плач Прощания с Матерью.

Мяо Фанфэй произнесла это шёпотом. В тот момент она и Ши Тао должны были изображать «мать» Пинпин – подать ей печёнку и слушать её плач. Если бы они не узнали про яд и подали отравленный кусок, Пинпин решила бы, что они заодно с деревенскими.

И тогда их головы полетели бы, как бумажные силуэты под ножницами Пинпин.

- Времени мало, ищем быстро.

Мяо Фанфэй напряглась.

- Если не найдём, придётся предотвратить поедание печёнки.

Лучше, конечно, найти безопасный кусок. Остановить Пинпин - крайняя мера, ведь это вмешательство в ритуал, а значит, жители деревни наверняка нападут.

Варёной печёнки было четыре больших ведра, сырой - ещё три. Искать среди этого одну безопасную часть - иголку в стоге сена. Ши Тао и Сюй Чэнь поочередно отвлекали А-Сан и А-Вэнь, но после нескольких попыток те заподозрили неладное. Тогда мужчины спровоцировали ссору, рискуя жизнью, чтобы дать Мяо Фанфэй время.

И она не подвела - среди кучи печёнки нашла тот самый нетронутый ядом кусок. Это подтверждало правоту Сюй Чэня.

- Я постараюсь сообщить об этом остальным.

К половине десятого утра в деревне объявили: плач перенесли. Первый - в десять утра, второй - в три дня, третий - в восемь вечера. Вместо полутора дней вся церемония сжалась до одних суток.

От этого у всех сжалось сердце.

- Будьте осторожны.

Сюй Чэнь сказал это весьма серьёзно. На кухне оставались только Мяо Фанфэй, Ши Тао, А-Сан и А-Вэнь - те, кто участвовал в первом плаче. Ему пришлось уйти.

- У А-Чэна могут быть новые улики.

Мяо Фанфэй напомнила: именно А-Чэн принёс серебряный браслет, которым они проверили печёнку. Она была уверена, что разгадка этого испытания кроется в нём.

Если печёнка отравлена, то, возможно, курица, которую будут использовать Сюй Чэнь и другие, и рыба, которую приготовит Ван Пэнпай, тоже подменены.

- Берегите себя.

Сюй Чэнь разошёлся с остальными, и у всех на душе было тяжело.

Плач перенесли - теперь их стратегия требовала изменений. Раньше Сюй Чэнь размышлял: саботировать свадьбу или сохранить её? Но это не имело большого значения, ведь после третьего плача Путешествие должно было закончиться. Главное - продержаться.

Но теперь всё изменилось.

Они застанут момент после свадьбы.

То есть свадьбу Пинпин.

И теперь вопрос: побег Пинпин или обычная свадьба? - кардинально влиял на исход.

Сюй Чэнь шёл обратно. Поскольку церемония приближалась, деревня оживилась. Люди в праздничных одеждах спешили по делам. Вернувшись в дом, он обнаружил лишь Юй Хэаня – местный житель, что следил за ними, ушёл, сказав, что готовится к празднику.

- Пошли, предупредим Чжао Хунту и остальных.

Сюй Чэнь понял: это шанс объединиться.

Как и ожидалось, в доме Ван Пэнпая тоже никого не было.

- Значит, вы говорили с А-Чэном?

Ван Пэнпай задумчиво потер подбородок.

- Да.

Сюй Чэнь рассказал про браслет и отравленную печёнку. Все выслушали с бледными лицами, представляя, какой риск они прошли.

- Тогда идём к А-Чэну. Скоро начнётся Плач Прощания со Свекровью.

Линь Си нервно грыз ногти. До трёх часов дня оставалось пять с половиной часов. Если Мяо Фанфэй и Ши Тао вызвали в четыре утра, а первый плач – в десять, значит, интервал такой же. Вскоре, вероятно, придут за ними – готовить курицу.

- Нельзя уходить всем. Кто-то должен следить за Мяо Фанфэй и Ши Тао.

Сюй Чэнь настаивал: наблюдая за их действиями, можно понять ход ритуала, что было крайне важно. В итоге решили: Чжао Хунту и Хоу Фэйху остаются для поддержки.

А Сюй Чэнь, Юй Хэань, Линь Си и Ван Пэнпай отправились на окраину деревни – к дому А-Чэна.

Продолжение

Мяо Фанфэй несла печёнку с запрятанным браслетом, стараясь сохранять улыбку. Вместе с Ши Тао, А-Сан и А-Вэнь они шли к свадебному домику Пинпин.

Уже звучала грустная мелодия суояя – «Прощание с Матерью». Все жители деревни были в праздничных одеждах, но, в отличие от обычных дунцев, преобладали чёрный и белый цвета.

Говорили, что, служа стражами у гробницы Царя Туси, им запрещали носить яркое. Со временем это стало традицией.

Хотя на лицах у всех были радостные улыбки, но, долго глядя на это монохромное шествие, Ши Тао начал видеть бумажных людей.

Многие вещи лучше не обдумывать.

А-Сан и А-Вэнь постоянно оглядывались на них, и в их улыбках читалась злоба. Они явно не забыли конфликт с Ши Тао.

Ши Тао глубоко вздохнул, краем глаза заметив, что Мяо Фанфэй с беспокойством смотрит на него, после чего успокаивающе улыбнулся.

Авось пронесёт – подумал он. Осталось только одно последнее испытание, и нужно сделать всё возможное, чтобы его преодолеть.

- Ма-а-а-ам...

Как только они вошли в комнату Пинпин, вокруг внезапно стало тихо, словно шумные звуки суоны и других инструментов остались где-то далеко. Лишь прислушавшись, можно было уловить слабые отголоски музыки, но и те звучали едва различимо, отчего становилось ещё жутче.

Ши Тао почувствовал, как холодный пот пробежал по спине. Он содрогнулся, опустил голову и медленно двинулся вперёд, пока не оказался в покоях Пинпин. Та сидела на кровати, и в его поле зрения попадали только её маленькие, изящные туфельки с вышивкой в чёрно-белых тонах.

- Слёзы каплют на грудь... Мама, мне страшно уходить из дома...

Раздались рыдания. Пение Пинпин оказалось вовсе не таким, как представлял себе Ши Тао – на удивление мелодичным и красивым. У низкого столика у кровати уже сидели А-Вэнь и А-Сань и подхватили её песню.

Пока шло пение, Мяо Фанфэй быстро осмотрела убранство комнаты. В отличие от мельком увиденного перед обмороком при входе в достопримечательность, Пинпин совсем не походила на того зловещего призрака, каким её запомнила Мяо. На ней было чёрно-белое свадебное платье, скромное и чистое, подчёркивающее её неземную красоту, подобную свежему лотосу после дождя. Её глаза, наполненные слезами, сияли, словно прозрачные капли росы.

Лишь лёгкий намёк на печаль во взгляде выдавал её тревогу, но даже это делало её ещё более трогательной. Увидев, что Мяо Фанфэй и Ши Тао всё ещё стоят, Пинпин протянула к ним руку, приглашая сесть. Ши Тао инстинктивно попытался уклониться, но не смог избежать её ледяного прикосновения. Трудно было поверить, что в таких хрупких запястьях скрывается столь невероятная сила – он почувствовал, будто его буквально прижали к сиденью.

Запястье обхватил холод. Он не решился пошевелиться, сохраняя на лице напряжённую улыбку, а в душе – лёгкий страх. Была ли эта сила проявлением природы Пинпин как призрака, или же она и при жизни обладала такой мощью? Если последнее, то неудивительно, что жители деревни Разрезанных Скал заранее её подготовили.

- У гор есть вершины, у моря есть дно... Но родительская любовь безгранична...

Пинпин горько пропевала эти слова, выражая тоску по материнской заботе. Следом «мать» должна была отрезать кусочек свиной печени и слегка провести им по губам невесты – символ того, что та навсегда останется её любимым дитя, а после замужества станет дорогим сокровищем для мужа.

Но именно в этой печени был спрятан серебряный браслет А-Чэна!

Мяо Фанфэй и Ши Тао переглянулись. Ши Тао первым взял нож, готовясь разрезать печень, но Мяо Фанфэй внезапно прочистила горло и запела:

- Дочка моя... Если будешь счастлива, и мне покойно будет...

Это должна была быть четвёртая часть песни, исполняемая после того, как Пинпин съест

печень, но Мяо Фанфэй спела её заранее!

- Пусть найдёшь того, кто сердце твоё согреет, и вместе состаритесь... Дитя моё, глаза твои яркие, как звёзды, ты различишь настоящую любовь...

Если первая строчка лишь заставила А-Сань и А-Вэнь повернуть головы в её сторону с каменными лицами, то следующие два самодельных куплета с явным намёком вызвали вокруг них леденящее чувство опасности!

Их лица стали плоскими, как у бумажных кукол, а некогда весёлый макияж превратился в жуткие погребальные узоры.

Будто дуновение ветра - и А-Сань с А-Вэнь уже очутились прямо перед Мяо Фанфэй, направляя острые ножи для нарезки печени прямо в её сердце!

- Похоже «Плач Невесты» уже начался.

Тем временем Вэй Сюнь, развлекавший в доме Сюй Чэня и остальных, вдруг поднял голову и беспокойно посмотрел в окно, в сторону комнаты Пинпин. Его голос дрожал, когда он пробормотал себе под нос:

- Пинпин увидит браслет... Она поймёт мои чувства.

- А-Чэн, мы все понимаем, какие у тебя чувства к Пинпин.

Проговорил Ван Пэнпай, вроде бы утешая, но его пронзительный взгляд не упускал ни малейшего движения собеседника. Под таким давлением человек со слабыми нервами непременно бы отвёл глаза, но А-Чэн лишь рассеянно улыбнулся в ответ и пробормотал:

- Ван-Ацзе тоже понимает... Наверное, я действительно слишком близко подпускал Пинпин к себе. Она же скоро замуж выходит, это неправильно.

- Да брось ты эти глупости! Раз Пинпин выходит замуж, ты же наверняка что-то для неё приготовил?

Линь Си нетерпеливо вклинился в разговор, пылающий взгляд его приковался к клетке с курицей на столе. Будь у него чуть меньше самоконтроля, он бы уже схватил её и заглянул внутрь.

Ведь второй этап обряда - «Прощальная трапеза» - должен был включать именно курицу!

- Да... Я готовил, но теперь вряд ли пригодится.

А-Чэн вздохнул, нежно погладив клетку и задумчиво промолвил:

- По традиции, жених перед свадьбой дарит невесте «курицу, покидающую мать»...

«Курица, покидающая мать» - это цыплёнок, только что отлучённый от курицы-наседки, уже способный жить самостоятельно.

Пинпин исполнилось восемнадцать, пора замуж. Она и А-Чэн собирались пожениться, поэтому он заранее тщательно выбирал для неё «курицу», но...

- Да, А-Чэн, ты и Пинпин понимали друг друга без слов... Но она выйдет за...

Сюй Чэнь намеренно запнулся, испытывая собеседника. Они до сих пор не знали, за кого именно должна выйти Пинпин, но, как жители деревни, должны были быть в курсе.

А-Чэн попался на крючок и с горечью продолжил:

- Но Пинпин выходит замуж за покойного брата, А-луна!

- Гасп!

Юй Хэань чуть не закричал, но вовремя прикрыл рот. Сюй Чэнь бросил на него и Линь Си предупреждающий взгляд - нельзя раскрываться.

К счастью, А-Чэн, погружённый в печаль, не заметил их странности и продолжал:

- Такая прекрасная девушка... и всё ради традиции. Староста как может? Пинпин ведь его единственный ребёнок!

- Пинпин - хорошая девушка, и хороших девушек нужно беречь.

Ван Пэнпай многозначительно добавил:

- Мне кажется, Пинпин и сама не хочет. Просто вынуждена... А-Чэн, вы с ней созданы друг для друга.

- Пинпин... Пинпин...

А-Чэн затрясся, губы его дрожали, он повторял:

- Если бы мы... Если бы мы могли быть вместе, но... традиции...

- Какие такие традиции, если ради них нужно ломать человеческую жизнь? Они того не стоят.

Сюй Чэнь осторожно нащупывал путь дальше, но А-Чэн странно посмотрел на него и покачал головой:

- Сюй-Апо, так нельзя. Наша деревня Разрезанных Скал существует, чтобы хранить традиции.

- Но это же Пинпин...

От этих слов А-Чэн снова задрожал. Он словно разрывался между долгом и чувствами, меняясь в лице, пока наконец не рухнул на спинку стула, измождённый.

- Да... Пинпин. Это же Пинпин.

- Сюй-Апо, попрошу тебя об одном...

Его глаза остановились на клетке с курицей.

- Если... если Пинпин всё ещё примет мой дар... если у неё есть ко мне чувства...

Он замолчал, но в глазах его загорелась решимость.

Сюй Чэнь, отметив это, не стал развивать тему. Он кивнул, взял клетку и вместе с Юй Хэань и остальными вышел.

- Пинпин выходит замуж в загробный брак!

Оказавшись подальше от дома А-Чэна, где их уже не могли услышать, Линь Си аж подпрыгнул.

- И за своего покойного брата, А-луна!

- «Искусство управления трупами передаётся только по мужской линии, но староста деревни научил этому свою единственную дочь Пинпин», - процитировал Сюй Чэнь описание достопримечательности и нахмурился. - Выходит, у старосты был ещё сын, но он умер.

- Именно так многие секретные техники и утрачиваются со временем, - заметил Ван Пэнпай. - Видимо, искусство управления трупами передавалось только в семье старосты.

Если бы брат Пинпин был жив, возможно, ради сохранения чистоты крови им пришлось бы вступить в кровосмесительный брак...

- Но брат-то Пинпин мёртв!

Юй Хэань не понимал:

- Даже если это загробный брак... как можно продолжить род?

- Не забывай, Пинпин была беременна, - нервно добавил Линь Си. - Возможно, так и появился призрачный ребёнок.

- Нет, Пинпин родила нормального младенца, - поправил Сюй Чэнь. - Во втором месте говорилось, что она выносила обычного ребёнка, но её отец выдал его за мясо мертворождённого и устроил пир.

- Если его можно было есть, значит, у него было тело. Точно не призрак.

Юй Хэань совсем запутался:

- Но как Пинпин могла родить обычного ребёнка?

- А-Чэн хочет сбежать с Пинпин.

- Сюй Чэнь, не отвечая на вопрос, прищурился: - Как думаешь, в настоящей истории Пинпин сбежала с А-Чэнем?

- После того как Пинпин забеременела, она убежала в пещеру в горах, чтобы родить. Если бы ей никто не помогал, одной беременной ей было бы сложно выжить.

- Дом А-Чэна находится на самом краю деревни Разрезанных Скал, ближе всего к той пещере, - тихо сказал Сюй Чэнь.

- Ты хочешь сказать, что в ту ночь свадьбы Пинпин действительно сбежала с А-Чэнем, а он стал новым женихом, и ребёнок в её утробе тоже его?

- Линь Си всё ещё сомневалась: - Но если они уже сбежали, зачем возвращаться к деревне, чтобы рожать?

- Наверное, их поймали.

- Юй Хэань добавил: - Говорят, в соседней деревне была похожая история. Невеста сбежала с другим, но её нашли уже беременной. Потом её заперли дома и, говорят, она провела там всю жизнь, пока не сошла с ума. Ужасная история.

Чем более феодальным и закрытым было место, тем сильнее угнетали женщин. Побег с любовником и внебрачная беременность считались позором, и если девушку находили, можно только догадываться, какие ужасные вещи с ней происходили.

Хотя слова Юй Хэаня звучали логично, Сюй Чэнь чувствовал, что что-то всё равно не сходится. Пинпин, судя по всему, была согласна на брак с умершим, чтобы продолжить традицию. Если так, зачем ей было так осторожничать с отравленной свиной печенью? Казалось, она была разумной и ответственной девушкой.

- Ван-гэ, что ты думаешь?

Сюй Чэнь никак не мог понять этот момент с отравлением и чувствовал, что упускает какую-то важную зацепку.

- Подождём, пока отряд Мяо вернётся.

Ван Пэнпай ответил, и Сюй Чэнь согласился: Мяо Фанфэй и Ши Тао наверняка принесут ценную информацию, ведь сами они не могли подойти близко к Пинпин, а Мяо Фанфэй и Ши Тао могли.

Неизвестно, как у них дела сейчас.

- Ван-гэ, ты что-то понял?

Сюй Чэнь, беспокоясь за Мяо Фанфэй и Ши Тао, в то же время заметил, что Ван Пэнпай, с тех пор как они покинули дом А-Чэня, был необычно молчалив и глубоко задумался. Может, он заметил что-то важное в словах А-Чэня, что ускользнуло от Сюй Чэня?

- Дай мне подумать.

Ван Пэнпай промолвил задумчиво. Сюй Чэнь осознал, что тот действительно что-то понял, и больше не стал его отвлекать. Когда они вернулись к месту, где жили, у него уже не осталось времени размышлять о том, что придумал Ван Пэнпай.

Потому что Мяо Фанфэй и Ши Тао лежали на кровати без сознания, облитые кровью!

Сюй Чэнь и остальные бросились к ним. Хоу Фэйху держал таз с водой, а Чжао Хунту обрабатывал их раны. Увидев, что у самого Чжао Хунту и Хоу Фэйху тоже были порезы и ссадины, Сюй Чэнь и Юй Хэань взяли их работу на себя, а Линь Си, что было редкостью, сама налила им воды.

- Первый плач закончился.

Хоу Фэйху залпом выпил воду и серьёзно произнёс: - Отряд Мяо принёс важную информацию.

Он указал на окровавленный лист бумаги на столе. Казалось, это был искажённый бумажный нож с едва заметными надписями. Сюй Чэнь не стал сразу хватать его, как и остальные, ожидая, что Ван Пэнпай разберётся первым. Сейчас Ван Пэнпай стал авторитетом в команде наравне с Мяо Фанфэй: наблюдательный и проницательный, он первым получал доступ ко всем

зацепкам.

Но Ван Пэнпай не торопился, словно всё ещё обдумывал что-то. Чжао Хунту удивлённо напомнил ему, но Ван Пэнпай нахмурился:

- Подождите, я на пороге важного вывода.

- Мы только что были у А-Чэня и тоже нашли важную зацепку.

Сюй Чэнь объяснил и взял окровавленный бумажный нож, но внутри ему было любопытно: что же такого важного осенило Ван Пэнпая, что он даже не посмотрел на улику?

Разворачивая бумажный нож, Сюй Чэнь вдруг резко сузил глаза.

- Это...

Тем временем А-Чэн, после ухода Сюй Чэня и других, не спешил двигаться. Он проникся меланхолией, потом начал бродить по дому, словно между тревогой и напряжением, то и дело поглядывая на дверь, будто ждал вестей от Сюй Чэня.

После пары кругов он тяжело вздохнул, как будто принял какое-то решение. Он вернулся в свою комнату и переоделся, делая это медленно, словно всё ещё колебался.

- Да, как Пинпин могла выйти замуж за покойника?

Он пробормотал себе под нос, выражение лица твёрдое:

- Я искренне люблю Пинпин, я не могу смотреть, как она страдает. Староста, я должен поговорить со старостой!

С этими словами А-Чэн решительно вышел из дома и направился к дому старосты.

Это было всё, что видел Ван Пэнпай.

На самом деле Ван Пэнпай не ушёл, а отправил с другими свою иллюзию. Настоящий Ван Пэнпай остался невидимым и наблюдал за действиями А-Чэна.

- Вроде бы всё в порядке.

Он не упустил ни одной детали, даже зашёл в комнату, когда А-Чэн переодевался, но тот не показал ни одного подозрительного жеста.

- Но я всё равно чувствую, что что-то не так.

Прожив множество странствий, Ван Пэнпай больше доверял интуиции. Он всё ещё не нашёл Бин Цзю, а значит, либо тот уже ушёл, либо настоящий Бин Цзю уже не такой, каким был по информации из прошлого.

Ван Пэнпай отбросил все прежние представления о Бин Цзю и наблюдал за А-Чэном, замечая, что тот, по сравнению с остальными жителями деревни, выглядел слишком чистым.

Возможно, именно это и вызывало у него ощущение странности.

Когда А-Чэн направился к старосте, Ван Пэнпай неспешно последовал за ним, не вмешиваясь.

Он пока не мог точно определить личность А-Чэна, и его визит к старосте мог быть частью подлинных событий.

Если Пинпин не сбегала, значит, она не могла забеременеть обычным ребёнком.

Если Пинпин бежала с А-Чэном, то жители деревни, найдя её, не оставили бы ребёнка в живых, тем более не превратили бы его в «особую эмбриональную плоть».

Ван Пэнпай подозревал, что Пинпин действительно сбегала с А-Чэном, но старший брат А-Чэна, А-Лун, вселился в его тело. Беременность Пинпин была частью плана старосты Деревни Разрезанных Скал: этот ребёнок был сыном и А-Чэна, и, в каком-то смысле, А-Луна. И насчёт того, кого именно съели в виде «эмбриональной плоти» – Ван Пэнпай сомневался.

Её съел староста?

Или...

Её съел А-Лун?

Если А-Лун съел эту плоть, он смог бы полностью захватить тело А-Чэна?

Или даже больше: а если староста деревни владел особым искусством управления телами, и после смерти А-Луна не похоронили, а превратили в Цзяна? Возможно, съев эту особую плоть, А-Лун мог бы воскреснуть?

Опытные путешественники обладали невероятно гибким мышлением, позволяющим выявлять истину по мельчайшим деталям, и сейчас Ван Пэнпаю не хватало лишь конкретных доказательств.

Этот визит А-Чэна к старосте мог быть ключевым моментом вселения А-Луна.

Поэтому Ван Пэнпай без колебаний последовал за ним.

Когда Вэй Сюнь переодевался, он специально затянул процесс, чтобы заново наполнить шкалу жёлтого и снова заблокировать трансляцию. С момента попадания в этот «аттракцион» он рассчитывал время так, чтобы стрим оставался недоступен.

Конечно, из-за этого, когда Сюй Чэнь и остальные разговаривали с ним, их собственные трансляции тоже блокировались, и зрители могли догадаться, что он и есть А-Чэн. Но каждая лишняя секунда скрытности была на руку Вэй Сюню – плюсов всё-таки больше, чем минусов.

Теперь Вэй Сюнь спешил к дому старосты, ведя за собой хвост.

Хотя Ван Пэнпай ушёл с другими, Лисёнок предупредил, что за Вэй Сюнем всё ещё наблюдают.

Особенно когда он переодевался – кто-то явно следил. Столь извращённое поведение исключало Пинпин: её взгляды всегда сопровождались холодным ветерком, а сейчас такого не было.

Вэй Сюнь почти наверняка понял: настоящий Ван Пэнпай не ушёл, а следил за ним.

Но это было частью его плана. Он специально оделся аккуратнее, чтобы отличаться от остальных жителей деревни.

Ван Пэнпай подозревал его, но не мог сразу подтвердить догадку и не стал бы атаковать – ведь сейчас Вэй Сюнь играл роль А-Чэна, важного персонажа в этом месте.

Зная характер Ван Пэнпая, скорее всего, он просто продолжил бы слежку. А исходя из его предыдущих действий, Вэй Сюнь предположил, что Ван Пэнпай вовсе не собирался убивать Бин Цзю, а хотел вывести его отсюда.

Конечно, это лишь догадки – вдруг Ван Пэнпай уже готовится нанести удар из тени? Но Вэй Сюня это не волновало: ощущение хождения по острию ножа лишь добавляло адреналина.

Особенно когда Ван Пэнпай, оставаясь невидимым, так и не напал, Вэй Сюнь утвердился в своём выводе:

Ван Пэнпай хочет вытащить Бин Цзю живым – значит, не даст ему умереть здесь.

Получается, следовавший за ним Ван Пэнпай был бесплатным телохранителем!

Вэй Сюнь тут же придумал сотню способов использовать Ван Пэнпая и с радостью повёл его на «штурм» дома старосты.

С таким отличным охранником было бы преступлением не заняться чем-нибудь опасным!

<http://bllate.org/book/14683/1308991>